

РАЗДЕЛ I

ДИНАМИКА ФОРМ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

Методологические основания информатики сообществ*

В. И. Тищенко

Важнейшей особенностью современного российского общества до недавнего времени являлась высокая активность трансформации социальных отношений, обусловленная «хаотизацией» и распадом прежней, советской социальной структуры. Экономические преобразования, плюрализация форм собственности, ликвидация прежних институтов власти с неизбежностью привели к распаду социальных коллективов советской эпохи, разрыву привычных, устойчивых связей и отношений. Общество превратилось в огромный конгломерат сошедших со своих орбит «элементарных частиц», вынужденных существовать в режиме индивидуального выживания.

В то же время, материалы социологических исследований свидетельствуют о высокой динамичности процессов возникновения новых форм социальной дифференциации, формировании неизвестных прежде тенденций и направленности социальной мобильности [1]. В российском обществе идет интенсивное перемешивание социальных групп и субкультур, сопровождающееся интенсификацией противоположно направленных социальных потоков — нисходящего и восходящего. Огромные массы людей оседают в «придонных слоях» — на грани и за гранью нищеты. Некоторые же, напротив, взлетают на самые вершины процветания, демонстрируя всем реальность «новых шансов», которые, впрочем, нередко оказываются эфемерными или вовсе призрачными. С начала 90-х гг. прошлого века в России образуется сложная, нестабильная структура общества, характеризующаяся изменчивостью социальных процессов, «размытостью»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского гранта № 04–3–00279а.

форм собственности, не устоявшимися властными отношениями, формами распределения, организации производства, спонтанными изменениями уровня и качества жизни разных категорий населения. Возникающая на этом фоне поляризация социальных позиций групп современного российского общества обуславливает противоречивость этой структуры, и, как следствие, проявляющуюся склонность к возникновению социальных конфликтов, и даже антагонизмов [2].

В результате всех этих процессов в российском общественном сознании наступает массовый кризис идентичности, что и отмечают практически все социологические опросы начала и середины 90-х гг. Причем в индивидуальном сознании он проявляется в виде чувства утраты своего места [3]. Рядовой россиянин не понимает, кем он теперь является. С одной стороны, он ощущает себя гражданином новой независимой страны, но, в то же время, не может перестать чувствовать себя советским человеком, поскольку вся его прошлая повседневная жизнь связана с историей государства, переставшего существовать. Та же взаимоисключающая противоречивость сохраняется и в осознании им своего социального статуса. Он все еще, по-прежнему, воспринимает себя в качестве элемента, пусть и «распавшейся», советской системы, лишь из необходимости (и может быть временно) оставившего прежнее место работы и занявшегося новой, предпринимательской деятельностью. Кто же он, сегодняшний российский гражданин, кем он себя должен осознавать — по-прежнему, носителем и глашатаем утвердившейся за долгие годы прежней действительности особой советской морали, или предприимчивым индивидом, живущим в авантюрной реальности? И где искать ответ на все эти, будоражающие российский менталитет, вопросы?

Казалось бы, эти ответы следует искать в тех изменениях, которые произошли в политическом и экономическом обустройстве страны, и которыми знаменуется окончание 1991 г. Распад Советского Союза на суверенные государства, реальный, а не только правовой, отказ от монополии политической власти в стране, легитимизация наряду с государственной иных форм собственности — все это, казалось, и должно было бы определять особенности повседневной жизни россиян. Между тем, распространившиеся в российском обществе в 90-х гг. прошлого века состояния растерянности и хаотичности, как следует из исследований российских социологов процессов трансформации советского общества [4, 5] были обусловлены не только, и не столько изменившимися экономическими или политическими реалиями. Такой тезис, на первый взгляд, противоречит процессам, проходившим совсем еще недавно, и еще не выветрившимся из памяти. Мы все отчетливо помним тот неуправляемый, нередко разрушительный характер возрождения демократии в России, ориентированный на уничтожение подавляющего большинства существовавших ранее социальных институтов как сферы «несвободы» и поощрение стихийных

тенденций общественного развития — «свободы». Мы также помним, что распространившиеся в начале 90-х гг. прошлого столетия в обществе радикальные настроения, прежде всего, были обращены к политическим и экономическим институтам его упорядочивающим. И, в первую очередь, к институту собственности. Так, еще на исходе «перестройки» после целого ряда законодательных актов в российском экономическом пространстве получают право легального существования альтернативные государству субъекты собственности: кооперативные, акционерные, частные. Включение этих новых субъектов экономической и хозяйственной деятельности в экономическую жизнь России, по мысли законодателей, ориентированных на западные модели экономического роста, должно было значительно повысить эффективность экономики не только путем сдерживания тенденций к монополизации и создания условий для рыночных отношений, но и посредством распространения соответствующего, «рыночного», мирозерцания. При этом, преследуя цели рыночных преобразований в экономике, российские реформаторы начала 90-х гг. рассматривали модернизацию страны как задачу, решаемую методами социального реинжиниринга. А реформы мыслились ими как волевой акт некоего исторического *Демидурга*, призванного преобразовать пассивную и податливую «социальную материю» по вычерченным ими чертежам и лекалам.

Безусловно, в этом была своя историческая правда. Длительный период существования «этакратического общества»¹⁾ в Советском Союзе во многом определил пути и формы не только его жизнедеятельности, но и особенности проводимых реформ. И хотя, с одной стороны, возрастающая глобализация мировых экономических и общественных процессов, современный уровень развития средств массовой коммуникации, другие технологические инновации не могли не привести к «присвоению» советским обществом технократических сторон обустройства жизни. В то же время, с другой стороны, разрыв социально значимых горизонтальных связей, заостренность инфраструктуры личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни, «обобщественность» почти всех сторон жизнедеятельности формировали советское общество как жесткую иерархическую структуру, в котором отдельные среднетипические, «усредненные» индивиды привыкли полагаться на «усмотрение начальства». Поэтому Гайдар и его соратники, «отягощенные» знанием советской экономической и социологической мысли, очень отчетливо представляли себе эти патерналистские особенности менталитета советского общества. И потому полагали, что реализация нового всеобъемлющего «исторического проекта» будет проходить в атмосфере характерной для россиян абстрактной веры в «новое» при полном их «неучастии»

¹⁾ Термин предложен в работах Б. Хорвата и О. И. Шкаратана [6, 7].

в принятии конкретных решений. Именно этим, прежде всего, определялись модернизационные особенности и цели реформ 90-х гг.

Между тем, проводить реформы, рассчитывая только на их модернизационный результат, так как их осуществляли Гайдар и его последователи, можно только в том случае, если общество и его члены полностью и без остатка растворены в контексте наличных обстоятельств, а эти последние целиком сведены к «правилам движения» в пространстве экономических связей. Однако в советском обществе определяющими были не экономические «правила движения». Они сами подчинялись господствовавшей в обществе иерархии социальных слоев, и определялись зависимостью положения человека в этой иерархии. Впервые наиболее четко и открыто эту позицию в советской социологической науке выразила Т. И. Заславская: «Общественное положение, занимаемое различными слоями и классами в социалистическом обществе, может быть в принципе представлено в форме определенной иерархии, в которой некоторые позиции считаются выше, чем другие» [8]. Однако сначала в качестве основания формирования вертикальной иерархии социальных позиций, в контексте господствовавшей идеологической системы, рассматривалась сложность труда и ответственность в осуществляемом труде, увеличение которых сопровождается повышением требуемого образования, и, следовательно, возрастающим материальным вознаграждением и соответствующими изменениями в образе жизни. Между тем, вскоре, становится очевидно, что социальное неравенство в советском обществе проявляется не в различном уровне доходов, а преимущественно в жизненном положении и престиже, которые, в свою очередь, определяются удаленностью от источников распределения материальных благ [9]. В дальнейшем стратификационный подход был использован в качестве методологического обоснования анализа советского общества и получил детальное развитие в работах Ю. В. Арутюняна, Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, О. И. Шкаратана и В. В. Радаев, Р. В. Рывкиной, З. Т. Голенковой, Ф. Р. Филиппова. Всех их объединяла констатация сложившегося в Советском Союзе социального неравенства в виде глубочайшей поляризации, при которой на верхних этажах социальной структуры расположились крайне малочисленные элитные и субэлитные группы, а основная масса населения заполняла низшие слои.

Как было позднее показано в работах Л. Ионина, О. И. Шкаратана и В. В. Радаева [10–13] в советском обществе на базе неравенства в доступе и распределении материальных благ и различного жизненного положения социальные группы оформились как квазисословные сообщества. А их деятельность направлялась и определялась управляющей элитой, для которой право распоряжения государственной собственностью естественным образом сливалось с политической властью. Эти профессиональные образования сходны со средневековыми «цеховыми» группами, определявшими культурные аспекты потребления и поведения.

Поэтому определенные представления по поводу жизненного стандарта и культурного уровня приводили к «замыканию» социальных групп, иерархия которых строится не только на основе дохода. На ступени более низкого профессионального статуса «сословные» сообщества выступают скорее в форме сильно сегментированных отраслей, что частично связано со структурными особенностями советской промышленности. Сословные группировки образуются не только по принадлежности к определенным отраслям, но и по принадлежности к крупным промышленным предприятиям, которые предоставляют своим работникам определенный набор социальных привилегий (таких, как возможность пользоваться особыми домами отдыха, санаториями, магазинами и т. д.). Подобные сословные образования могли появиться благодаря более тесной связи людей с предприятием, чем это принято на Западе. Корпоративная система как доминирующая форма реализации властных отношений, а соответственно иерархического ранжирования и объема и характера привилегий членов социума, определяла советское общество как сословное корпоративное общество (Шкаратан О. И.). В таком обществе сословно-слоевая стратификация иерархического типа не может не закрепляться в структурах власти, место в которых, выраженное в виде формальных рангов и соотношенных с ними привилегиях, собственно и определяет социальные позиции индивидов и социальных групп, их социальный статус.

Но, с другой стороны, для поддержания своей жизнедеятельности иерархическая стратификация индивидов и социальных групп реализует свое бытие в форме такой своеобразной системы соотношения интересов, в которой ценностями являются власть, престиж, исключения из правил и иных регламентаций поведения. Иными словами, индивиды предъявляют к соотношению и, соответственно, обмену не материальные ценности, а элементы социального статуса, обусловленные местоположением в стратификационной иерархии.

В соответствии с этой точкой зрения Советский Союз в период, предшествовавший реформам конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века, представлял собой совокупность институционализированных социальных групп, объединяемых в учреждения, офисы, конторы, предприятия, которые были связаны сложной системой взаимных отношений и взаимных обязательств. Все индивиды, и, прежде всего, руководители предприятий из «винтиков» сталинской государственной машины, беспрекословно выполнявших приказы начальства, превратились в активные субъекты торга. Этот торг шел по всей вертикали — от рабочего до члена политбюро за принятие наиболее выгодных условий их жизнедеятельности. Так, например, согласие директора предприятия на увеличение плана можно было обменять, например, на улучшение его служебного положения или на средства для строительства жилого заводского дома. Конечно, этот обмен не всегда носил столь откровенный и очевидный прагматический характер, но, даже

в завуалированной или снятой форме он всегда присутствовал как в деловых, так и в личностных отношениях, особенно в верхних слоях советского общества. Главным вопросом в кругу представителей элиты оказывался вопрос: «Что ты хочешь?» Сложившийся в советском обществе иерархизированный рынок был построен на обмене—торговле позиционными возможностями и ресурсами, и поддерживался как органами власти, так и отдельными лицами. И, понятно, что этот взаимообмен «элементами» социального статуса, значил несравненно больше, чем любые деньги.

Таким образом, сама природа того общества, из которого вышла «перестройка» и последующие реформы, была такова, что социальные слои образовывали такие сомножества индивидов, социальное положение и социальный статус которых осознавались как некий групповой, институционализированный интерес. Этот интерес проявлялся в форме специфической системы ценностей, и характеризовался единством образа жизни, которые наисущественным образом определялись и зависели от местоположения индивида в системе иерархической социальной стратификации. Исключение не составляла и властвующая элита, которая обладала подобной же системой групповых признаков, включая самоидентификацию.

В этих условиях любое резкое движение в сторону перераспределения власти, а тем более разрушение прежнего института собственности неизбежно должно было привести к необратимому конфликту с непредсказуемыми последствиями, что в условиях неупорядоченности правовой составляющей и приводит к хаотическому развитию. Вот почему экономические реформы Гайдара и его последователей, в действительности, разрушили не столько экономические или политические основания советского общества. Начавшись, как модернизация советской экономики, действия реформаторов «ельцинского призыва» превратились, по сути дела, в трансформацию глубинных, цивилизационных основ советского общества. И, прежде всего, была разрушена стратификация иерархического типа, в которой позиции индивида и социальных групп определялись их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения²⁾.

В результате реформ 90-х гг. прежнее понятие социального статуса как ранжированного источника социальных благ было разрушено, но ничего, что могло быть осознано в качестве группового интереса или социальной идентификации, не было предложено российскому обществу

²⁾ Более того, стратификация иерархического типа с ранжированным социальным статусом и формами бытия была не только разрушена, но отчасти «объявлена» вне закона. Хотя, безусловно, это носило демагогический, декларационный характер. И в реальности остракизму подвергалась лишь *прежняя* стратификация, которой на смену должна была прийти, по крайней мере в личностном плане, новая иерархия отношений. Выстраивание этой, новой, иерархии не завершено и по сей день, хотя ее черты и ее участники во многом уже явлены обществу.

взамен. Результаты этих «невидимых» миру преобразований и проявились в кризисе самоидентификации, о котором свидетельствовало чувство растерянности, овладевшее российским обществом в самом начале 90-х гг. Причем, следует иметь в виду, что ощущения растерянности и хаотичности в обществе возникли, несмотря на то, что в основной своей массе социальная структура российского общества изменилась все еще не значительно. Как обычно утверждается, для трансформационного периода, в котором живет российское общество с середины 80-х гг., наиболее радикальным процессом явилось формирование таких социальных групп как работодатели, мелкие предприниматели и «рантье», живущих на доходы от ренты, аренды недвижимости и поступлений от денежных операций. Однако, как показала последняя перепись 2002 г., общая численность всех этих социальных групп не превышает 2,4 млн человек. То есть истоки ощущаемой социальной хаотизации проистекают не столько из результатов реальных изменений в социальной структуре российского общества, сколько из-за краха прежнего мироощущения.

Но механистические представления реформаторов о социуме как объекте конструирования, восходящие, по сути, к методологии «организационной модели» А. А. Богданова [14], который полагал творчество социальных форм специализированной функцией особого слоя «организаторов», сыграли с ними еще одну «злую шутку». Успешно реализуя свои планы по разрушению экономических и политических институтов советского государства, и не встречая на первых порах какого-либо значимого видимого сопротивления³⁾, члены первого «реформаторского» правительства и их окружение, тем не менее, очень быстро ощущают присутствие в обществе некой противодействующей их преобразованиям силы. По мере продвижения реформ они предпринимают попытки персонифицировать эту силу, то в виде Советов депутатов всех уровней, то коммунистов, или «красно-коричневых», то «фашистской угрозы» и т. д. Однако все попытки реально идентифицировать, а затем и устранить субъект сопротивления, в сущности говоря, так ничего и не дали. Действительные и мнимые противники демократических преобразований терпели поражение за поражением, но в обществе на фоне смятения и хаоса получали все большее развитие процессы, независимые и нередко альтернативные провозглашаемым реформаторами идеалам и логике либерального проекта.

³⁾ Сопоставляя выявленные в ходе различных социологических исследований мнения россиян по различным вопросам, характеризующим их личные жизненные стратегии, можно утверждать, что к моменту окончательного устранения элементов двоевластия и консолидации политических институтов «новой России» (конец 1993 – начало 1994 гг.) субкультура рыночного успеха и потребительских ориентаций охватила социально активные слои населения России.

В аморфном, распыленном и, казалось бы, потерявшем себя российском обществе, вопреки всем усилиям и провозглашаемым намерениям, не исчезают прежние «корпоративные» установки на самоидентификацию. В стране постепенно (с конца 90-х гг.) поднимается *неоконсервативная* волна, лейтмотивом которой становится частичное возвращение к аутентичному советскому опыту и традициям. Причем следует отдавать себе отчет, что механизмы и истоки этой «ностальгии» совершенно различны в «управляющем» слое, и в толще массе российского общества. Так, если для рядовых граждан России привлекательными кажутся неофициальные, «бытовые» проявления прежней советской жизнедеятельности, связанные с притягательными, пусть и декларированными, идеалами социальной справедливости. Управляющая же «элита» ищет в советском прошлом образцы «обустройства» своей жизни. По образному высказыванию одного из политических деятелей, каждый чиновник мечтает, не покидая своего места, стать бизнесменом, а каждый бизнесмен — заполучить себе место чиновника, или, еще лучше, «приобрести» его самого. Переоценка недавнего, советского прошлого вновь распространяется в общественном сознании.

Так, по данным одного из проведенных в 1998 г. всероссийских социологических опросов [3], только 18,4 % опрошенных согласились, что в 70-летней истории Советского Союза слишком мало найдется такого, чем можно было бы действительно гордиться. В большинстве своем, как следует из этого опроса, именно к этому периоду относятся достижения, вызывающие наибольшее чувство гордости россиян. Это, прежде всего, победа в Великой Отечественной войне (более 81 % ответов), успехи в космонавтике и развитии космической техники (свыше 60 %). Свыше 40 % опрошенных респондентов отнесли к наивысшим достижениям России в XX в. также ликвидацию неграмотности, введение массового высшего и среднего образования и создание мощной промышленности. Для сравнения укажем, что освобождением крестьян от крепостного права гордятся чуть более 15 % россиян, выдающимися российскими монархами — 12,4 %, октябрьской революцией — 8 %, сопротивлением белой армии большевикам — 2,5 %, современной российской демократией — 4,5 % [3]. Почти две трети респондентов (64,8 %) указали на то, что в Советском Союзе они испытывали чувство принадлежности к большому сообществу, которого теперь лишены, а более половины (51,6 %) согласились с тем, что в СССР впервые за всю многовековую российскую историю была обеспечена справедливость и приличная жизнь для простых людей. Эти же тенденции сохраняются и 2003 г. [15].

Однако эти «ностальгические» настроения основной массы простых россиян не следует связывать исключительно с консерватизмом социального мышления и бытия. Более того, дело даже не в том, что в российском обществе (особенно вдали от крупных городов) сохраняется тяга

к стратификации иерархического типа, которая обеспечивала устоявшийся образ жизни⁴⁾.

Обращение к реалиям повседневного «советского бытия», которые были непосредственно интегрированы в личный жизненный опыт практически каждого человека, как это не парадоксально, вызвано необходимостью выживания. Ведь, надо отдавать себе отчет в том, что на протяжении всех десятилетий советской жизни жизнедеятельность подавляющего большинства советских граждан протекала в формах не просто каждодневного бытия, но исключительных в формах выживания, как в экономических, так и политических реалиях недавнего прошлого.

Поэтому и обращение к особенностям недавней жизнедеятельности, означает стремление к поиску тех условий, видов и форм повседневной жизни в прошлом советских, а теперь российских людей, которые бы позволили в условиях современности, справедливо воспринимаемого индивидом в виде аморфной, хаотизированной среды выживания, сохранить и обустроить свое бытие.

Поэтому распад советского общества и воцарившиеся социальные аморфность и хаос, фиксируемые в обыденном сознании, это не исчезновение общества. Вновь поставленный перед проблемой не только социального, но и непосредственного выживания, российский гражданин стихийно, и поэтому мучительно, ищет в окружающей его социальной среде реальные механизмы своего выживания. И вот почему тот «динамический» социальный хаос, который повсюду окружает рядового российского обывателя, может в контексте синергетики рассматриваться как среда самоорганизации⁵⁾.

Но в соответствии с этим, тенденции, описанные выше и, казалось бы, свидетельствующие о возрастающем стремлении в российском общественном сознании к возврату в прошлое, в действительности могут быть рассмотрены как *«воспоминание о будущем»*. И в этом будущем советский

⁴⁾ Хотя не следует сбрасывать со счетов и эту социально значимую составляющую, как самоидентификации, так и упорядоченности каждодневного бытия. Это, тем более, существенно, что и политические, и экономические условия обустройства современного российского общества все еще сохраняют черты советской организации жизнедеятельности. Переход к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации, так и незавершен, а властные отношения все еще доминируют над собственническими.

⁵⁾ Использование парадигмы «динамического хаоса», впервые в науке сформулированной И. Пригожиным, в качестве методологической и инструментальной составляющей анализа трансформирующегося общества представляет немалый интерес. Рассматривая хаос как системную структуризацию нелинейных изменений и вариантов бифуркаций, мы открываем не только возможности описания парадоксов социального развития, но и обретаем надежду на выход из гносеологических тупиков современного социального познания. Однако этот подход требует не только более формализованного представления социальной реальности, но и более детальной проработки методологических обоснований. В данной работе следует лишь обратить внимание читателей на некоторые публикации, открывающие эти перспективы [16–18].

личный жизненный опыт превращается не просто в модель и образец поведения. Он предстает перед индивидом в качестве личной стратегии выживания, поскольку надежды на восстановление прежнего ранжированного бытия, уже очевидно, безнадежно утеряны. И может быть, самое важное состоит в том, что общество силами своих членов само внутренне устанавливает для себя ориентиры деятельности и конституирует смысловое поле, в котором реализуются личные жизненные стратегии людей. Из миллионов связанных между собой таким смысловым единством самых простых повседневных действий, в конце концов, и формируются мощные социальные потоки, создающие явления исторического порядка. Так действия отдельных людей по преодолению конкретных ситуаций превращаются в поиски той объединяющей «национальной идеи», о которой так много, упоенно, но безрезультатно говорят в кругах правящей элиты.

В этой связи не представляется удивительным, что россияне обращаются к самым глубинным основаниям организации и обустройства повседневного бытия и жизнедеятельности. Поскольку, именно в рамках частного быта, традиционной народной жизни сложились такие основы существования общества, как привычки к сосредоточенному ежедневному труду, умению сохранять и оберегать человеческую жизнь, противостоять таким человеческим бедам, как болезни, разлука, смерть. И речь, в действительности идет о каждодневных, и потому наиболее значимых целях и задачах, с которыми связаны проблемы сохранения самой жизни, продолжения рода, проблемы выживания.

Вот почему в социальном пространстве с раздробленной на отдельные фрагменты реформируемой экономики, постоянно меняющимися по ходу дела правилами игры, разорванными связями и поистине карнавальной инверсией статусных иерархий (обнищание и унижение интеллектуалов, не востребованность культуры, знаний и высоких квалификаций, насмешливая дискредитация честности и добросовестности на фоне торжества продажности и превращения вчерашних уголовников в респектабельных хозяев жизни) единственной прочной опорой для выбитого из колеи человека становится семья, родственные или иные, в том числе территориальные связи, проявляющиеся в каждодневном общежитии. Так, исследование, проводившееся в среде образованной городской молодежи (студентов-москвичей), показало, в частности, что в настоящее время влияние семьи даже в вопросах публичной политики перекрывает все внешние информационные воздействия, включая телевидение [3].

Спонтанная тяга к укреплению социальных связей, в свою очередь, вызвало актуализацию транслируемого через непосредственное общение поколений многовекового народного опыта, хотя и деформированного в условиях советской действительности. Поэтому реконсолидация общества, отмечаемая многими российскими исследователями [19], происходит не на основе привнесенных извне «либеральных правил» игры,

а на основе иных, хотя и не чуждых современному развитому обществу, культурно-исторических кодов цивилизации. Речь идет не только о семейных или иных родственных связях, но вообще о связях, возникающих в результате преодоления тех или иных значимых социальных проблем. Это и группы консолидации [20], «группы сознания», объединяемые чувством ностальгии [21], группы солидарности и партнерства [22], территориальные или иные сообщества [23]. Подобные группы образуются, на первый взгляд, по случайным, далеко не существенным признакам. Однако индивиды, входящие в них, обладают общими настроениями и отношениями к тем или иным социальным проблемам. И хотя консолидация в этих группах строится не всегда на прямых контактах или взаимодействиях, определяющим в процессах их возникновения оказываются, так называемые коммуникационные связи и отношения, поскольку именно эти отношения оказываются преобладающими при не срабатывании, или деградации вертикальных связей и иерархий. Особенности возникновения этих групп, а также территориально-родственные отношения, становятся основополагающими, стержневыми при организации конкретных форм бытия многих российских граждан. По существу, эти культурно-исторические коды и сыграли в 90-х гг. прошлого века (и по-прежнему продолжают играть в сегодняшние дни) роль основного фактора, выстраивающего перед людьми приемлемые для них ценностно-смысловые перспективы, способствуя таким образом хотя бы внутреннему («в себе») преодолению нарастающей хаотичности социальной жизни.

Важнейшей особенностью и содержательным смыслом этой жизнедеятельной стратегии российского общества, отмечаемой практически всеми социологами, и ставшей до известной степени триумфом современного социального анализа, оказывается социально-психологическая установка, распространившаяся во многих социальных слоях населения постсоветской России, установка на совладение с жизненными трудностями. Причем социокультурные определения «жизненных трудностей», включают в себя как давление внешних обстоятельств, не подвластных индивидуальному воздействию и нарушающих привычный жизненный уклад индивида, так и сильные негативные переживания, ухудшающие социальное самочувствие индивида. Системность и целостность преодолевающей эти жизненные трудности стратегии определяется реальным поведением индивидов по преодолению конкретных сложных жизненных ситуаций, кризисов и т.д.⁶⁾

⁶⁾ Трагедия человека, осознающего необходимость и осмысленность подобной жизнедеятельной стратегии по преодолению конкретных жизненных ситуаций в качестве единственного способа выстраивания бытия, но не находящего в себе силы воли для ее реализации, многократно и проникновенно описана великим русским писателем А. П. Чеховым в пьесах «Дядя Ваня», «Три сестры», «Чайка» и других. Оказавшись на переломе судьбы и российского общества, его герои, интеллигентные и тонко чувствующие люди, не сумев преодолеть

Теоретически стратегия овладения жизненными ситуациями представляет не только как особый срез жизнедеятельности конкретного человека, решающего проблемы адаптации. Но и как реальная процедура построения конкретного пространства, в котором осуществляется «диалог» различных моделей жизненных трудностей и средств их преодоления. Институциональность жизнедеятельной стратегии, направленной на формирование горизонтальных бытовых связей, в свою очередь, оборачивается основой формирования партнерских, и потому коммуникационных отношений, выстраиваемых с помощью медиатора или посредника. В процессе этих отношений, собственно, и осуществляется процедура *конструирования* структурированного бытия. Или, иными словами, деятельно активные субъекты при участии посредника формируют правила преодоления жизненных ситуаций, которые предстают перед ними в качестве структуры, задающей конкретное бытие индивида.

С позиций подобных оценок стратегии конкретных людей по обустройству своей жизнедеятельности предстают перед исследователем в качестве постоянного процесса структурирования и реструктурирования правил и смысла преодоления определенных ситуаций. И на первый план с необходимостью выдвигаются «акторы», или «социальные актеры» [24], «производящие» и осуществляющие реструктурирование правил генерации социальных структур. Как представляется, именно такой ракурс является наиболее продуктивным для изучения нестабильных трансформационных процессов.

Однако при этом следует иметь в виду, что структурирование социального бытия, реализуемое «социальными актерами», осуществляется каждый раз на уровне конкретного бытия и реальных форм жизнедеятельности. И совершенно естественно, что эту деятельность конкретных людей мы рассматриваем и понимаем очень широко, отнюдь не как технологически определенную цепь поступков человека. И, хотя традиционно считается, что деятельность вне технологических рамок задается системой самих социальных связей между людьми, мы полагаем, на основании проведенного ранее анализа [23], что этого недостаточно. Люди находятся в определенных отношениях не только друг с другом, но и с пространственной средой, тем материальным, вещественным окружением, в котором они живут и действуют, и которое составляет саму суть территориальности.

потерю своего социального статуса, которым они владели в прежней дворянской России, терпят нравственный крах своей личности. И, следовательно, крах своего бытия. И, думается, что именно потому, что в советском обществе с его жестко формализованной социальной стратификацией, социальный статус человека определялся извне «наложенным» регламентом, великие чеховские творения в большинстве своем не получали заслуженного отклика в душах советского массового зрителя. В то время как за рубежом, на Западе, где статус человека, его бытие и конкретная жизнедеятельность определялись самим индивидом, его силой, волей, и энергией, пьесы Чехова были более востребованы именно в среде среднего класса.

Пространство не просто обрамляет, или «вмещает» реальность человеческих отношений, но оно активно включено в саму их ткань, суть этих отношений. Более того, вся повседневная жизнь человека, развертывание ее плана, географии, да и просто человеческих поступков является по сути дела особой формой структуры пространства, своеобразным средством «пространственной дисциплины». И пространство здесь играет роль не только инструмента, с помощью которого реализуются план и график повседневной жизни, но и движущей силы, которая, порождая всю эту повседневную деятельность, «укладывает» ее в особые, специфические формы.

Территориальная общность и есть одна из таких человеческих совокупностей, в которой связь между людьми не только сопереживается, но является непосредственной и первичной связью, возникающей как пространство человеческой жизни. Это происходит потому, что жилище человека, его поселение (территориальность) оказываются способом и формой как естественно-природного бытия человека, так и его социального существования, особой формой его жизнедеятельности. Однако, как уже ранее отмечалось, в результате развития разнообразия форм социальной жизнедеятельности, совокупности форм социальных практик, которые в действительности представляют собой *процедуры коммуникации* различных групп территориального сообщества, или его отдельных представителей, и происходит формирование тех или иных процедур власти. Рассматривая эти процедуры как формы человеческой активности, мы полагаем тем самым конкретные особенности пространственного бытия человека, которые предстают перед нами в качестве освоенного им единства взаиморазвивающихся в соответствии с местной системой ценностей социальных форм и практик. И важнейшим условием целостности их рассмотрения оказывается выделение определенных видов коммуникаций, реализуемых в системе определенной типологии. В немалой степени этому способствуют все более возрастающее информационное сопровождение деятельности российских местных органов власти и управления, расширение доступа их к сетям Интернета. Воздействие информационных технологий на организацию территориальных органов власти и управления не только открывает новые пространства использования новых средств коммуникации и принципиально снижает издержки передачи информации. Возникающее в этой связи в структуре территориальной власти особое коммуникативное пространство приводит к формированию специфических форм взаимодействия населения, бизнес структур и прочих организаций, с органами территориальной власти — «виртуальных сообществ», которые способствуют замене иерархии отношений так называемой «сетевой организацией». В ходе этого взаимодействия упрощается и стремительно ускоряется процесс создания географически распределенных социальных групп (сетей), характеризующихся преобладанием

неиерархических «горизонтальных» коммуникаций, возможностью общения «всех со всеми» [25].

Исследование проблем становления и развития виртуального, или сетевого сообщества получило достаточно широкое распространение в литературе, однако основное внимание исследователей уделяется выяснению гносеологической или социальной сущности феномена виртуализации, а также вопросам технологии виртуальной реальности [26, 27]. Немалое число работ посвящено вопросам развития сетевой формы организации как одного из направлений развития современного корпоративного менеджмента и межорганизационных взаимодействий [28–31]. И, наконец, особое развитие получил анализ сетевых взаимосвязей в профессиональном сообществе социологов, в том числе на основе гипертекста как формы организации социального знания [32]. Между тем, исследование виртуальных сообществ и процессов их становления в структурах территориальных органов власти и управления практически не получило распространения. И хотя встречаются отдельные исследования, посвященные информатике сетевых ресурсов местных сообществ, в подавляющем большинстве они в основном носят описательный характер [33, 34]. Виртуальные сообщества, с нашей точки зрения, являются не только инструментом участия различных групп и слоев «населения» в процессах принятия и реализации территориальных управленческих решений, но, одновременно, моделью и элементом территориального сообщества. Реализуемые в этих сообществах коммуникативные процессы, по сути дела, институционализируют как саму территорию, так и органы территориальной власти, бизнес структуры и другие организации. Поэтому анализ коммуникаций, осуществляемых с помощью Интернет-технологий, позволяет рассмотреть виртуальные сообщества не только в операциональном, но и методологическом контексте.

Это особенно важно, поскольку становится все очевиднее, что перенос на российскую почву западной модели модернизации (основой которой выступает развитое гражданское общество и самодостаточная личность) не продуктивен в силу отсутствия этих предпосылок в России. Более того, условия российской реальности, особенно в ее провинциальном варианте, демонстрируют сложность и определенную парадоксальность использования для анализа участия различных групп населения в процессах территориального развития различных понятийных схем местного управления.

В этой связи особенно важно отметить, что именно технологический прорыв в сфере информационной поддержки деятельности местной власти накладывает особый отпечаток на структурирование российского социального пространства на территориальном уровне. Выступая в качестве синтетического представления связанных с Интернетом социально-экономических инноваций, виртуальные сообщества представляют собой

сетевую организацию совокупности коммуникаций различных групп, отдельных лиц и социальных институтов. Именно коммуникативный подход (Ю. Хабермас) к рассмотрению территориальных отношений, позволит, по нашему мнению, рассмотреть территориальное развитие как многократно опосредованный и иерархизированный механизм общения между людьми, разворачивающийся в социальном поле и пространстве коммуникаций. И так как принципиальным отличием виртуального сообщества как «расширенной формы» (Ф. Хайек) общественных отношений от его предшественников (рыночной и индустриальной форм) является доминирование в его среде прямых информационных взаимодействий между людьми, новые возможности позволяют членам этих сообществ конструировать новые правила социально-экономического поведения и соответствующие регулирующие институциональные механизмы.

В целях проведения такого анализа нами будут использованы материалы проводимого в соответствии с Государственным контрактом №ЭР.03.3 от 10 сентября 2002 г. известной российской фирмы «РосБизнесКонсалтинг» конкурса «Лучший регион в сфере ИКТ». Государственный заказчик этого контракта — Министерство экономического развития и торговли РФ, а конкурс входит в число мероприятий, предусмотренных Федеральной целевой программой «Электронная Россия (2002–2010 годы)».

В ходе конкурса регионы-лидеры в сфере ИКТ выявлялись по пяти номинациям, соответствующим основным направлениям использования ИКТ для развития региона. К этим направлениям отнесены: государственная поддержка региональной информатизации; доступность ИКТ; использование ИКТ в экономике, государственном управлении и социальной сфере региона; человеческий капитал; деловая среда. Итоговая номинация конкурса «Лучший регион в сфере ИКТ» выявляет регион, наиболее полно и гармонично развивающий все указанные аспекты и условия применения ИКТ. Каждому из 89 субъектов Российской Федерации предоставляются равные права участия в конкурсе «Лучший регион в сфере ИКТ» [37]. Все регионы могут участвовать в конкурсе по одной, нескольким или всем номинациям. Должностные лица администрации субъекта направляют сведения о регионе, необходимые для работы экспертных советов. Используются также и другие источники информации об уровне развития ИКТ в регионах. В рамках подготовки к проведению конкурса «Лучший регион в сфере ИКТ» специалисты РБК проанализировали уровень присутствия в Интернете правительств субъектов Российской Федерации, в результате чего были оценены достижения регионов на пути к «электронному правительству». Анализ интернет-представительств регионов был основан на оригинальной методике, совместно разработанной специалистами компаний «РосБизнесКонсалтинг» и «Процесс Консалтинг».

Уровень присутствия правительств субъектов РФ в Интернете определяется в результате оценки их интернет-порталов⁷⁾. Каждый оцениваемый портал должен являться официальным веб-узлом администрации/правительства данного региона. При проведении анализа оценивался либо одиночный сайт (в том случае, если вся информация представлена непосредственно материалами сайта), либо группа сайтов, входящих в состав правительственного портала (в том случае, если гиперссылками обеспечивается переход с официального сайта на прочие ресурсы). Официальный интернет-портал субъекта оценивался на основании двух главных критериев: 1) информационная наполненность и 2) характеристики сайта. Требования к portalу в отношении информационной наполненности подразумевают определенные требования к контенту и составу информативных разделов на сайте. В качестве характеристик сайта оценивались возможности использования различных сервисов сайта, его удобство для пользователя. Основными характеристиками сайта, которые оценивались при проведении анализа, являются: структура сайта, удобство навигации, графический стиль и визуальная концепция, возможности поиска на сайте и т. д.

Балльная оценка информационной наполненности портала и присущих ему характеристик осуществлялась по двум принципам: 1) отмечалось наличие/отсутствие какой-либо информации или сервиса; 2) оценивался уровень работы сервиса или степень полноты представленной информации. Так например, правительству субъекта Федерации присуждался 1 балл при наличии англоязычной версии сайта и 0 баллов — при отсутствии таковой. Уровень работы сервиса или его полнота может быть оценен как «высокий», «средний» и «низкий», и соответственно, субъекту Федерации присваивается 3 балла, 2 или 1. Скажем, удобная, хорошо продуманная навигация оценивается в 3 балла, примитивная — в 1 балл, а сайты, на которых не предусмотрены отдельные средства навигации, — в 2 балла. В целом интернет-портал каждого субъекта Федерации оценивался по сорока критериям. Максимальная суммарная оценка уровня присутствия правительства субъекта РФ в Интернете составляет 54 балла.

В результате оценки правительственных интернет-порталов российских регионов средний балл по всем субъектам РФ составил 27,7 (из 54 максимально возможных). Интернет-порталы, которые, согласно проведенному анализу, наиболее достойно представляют свои регионы, принадлежат республикам: *Карелия, Татарстан, Чувашия, Бурятия*, областям: *Пермская, Самарская, Калининградская и Калужская* (суммарная оценка портала превышает 40 баллов). В список регионов, развитие концепции

⁷⁾ Термином «портал» по аналогии с архитектурно выделенным входом в здание обозначается информационный ресурс («сайт»), позволяющий пользователю получить легкий доступ как содержанию («контенту») самого сайта, так всему многообразию Сети Интернета [36–38].

электронного правительства в которых пока находиться на начальной стадии, попали следующие субъекты РФ (менее 20 баллов из 54 возможных): *Тверская и Брянская области, республики Удмуртия, Марий Эл, Тыва, Северная Осетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, а также Коми-Пермяцкий и Усть-Ордынский Бурятский автономные округа.*

Рассмотрим основные функциональные требования, предъявляемые к интернет-порталу «электронного правительства»⁸⁾, и сравним с реальной ситуацией, сложившейся на текущий момент в интернет-порталах субъектов Российской Федерации. Как уже было отмечено ранее становление и развитие информационных ресурсов «электронного правительства» проходит несколько стадий формирования коммуникационного пространства. *Во-первых*, это «презентационная» функция, реализуемая предоставлением справочного и новостного объема информации. *Во-вторых*, функция «инструментального взаимодействия» с сетевыми ресурсами органов территориальной власти и управления различных потребителей предоставляемых ими услуг. На этом этапе электронные формы и процедуры обмена информацией позволяют перенести в Интернет многие процессы, которые ранее решались только посредством личного визита в учреждение. И, наконец, так называемая «транзакционная» стадия. На этой стадии потребители запрашивают и получают через Интернет (полностью или частично) необходимые справки или разрешения, а также передают в органы территориального управления предусмотренную различную документацию (например, налоговую или статистическую отчетность). Кроме того, специальный блок («торговая площадка») интернет-портала может обеспечить при необходимости проведение тендеров среди организаций и предприятий на осуществление поставок либо выполнение тех или иных работ.

Рассматривая с этих позиций интернет-порталы органов государственной власти субъектов Российской Федерации, представленные в документах конкурса, можно сразу отметить, что официальные сайты российских регионов хорошо реализуют «презентационную» функцию. Почти все интернет-порталы субъектов содержат типовой «портрет региона», включающий географическое положение, территориально-административное устройство субъекта, информацию о структуре органов власти субъекта, государственную символику, историю развития региона и краткую характеристику социально-экономического положения. Следует, правда, отметить, что не на всех официальных сайтах эта функция реализована широко и полно. Как отмечается в результатах конкурса на сайте

⁸⁾ Требования, предъявляемые к разработкам архитектуры и структуры современного Интернет-портала органа государственного управления, изложены в разработанном Мiсrosoft «Руководстве по разработке архитектуры портала органа государственной власти» и документации, разработанной в рамках Федеральной Целевой программы «Электронная Россия».

<http://www.region2002.ru>, полноценно описанную структуру власти представляют только Карелия, Татарстан и Ханты-Мансийский автономный округ (<http://www.karelia.ru>; <http://www.tatar.ru>; <http://www.hmao.wsnet.ru>).

Информация о правительстве субъекта на большинстве порталов представлена списками министерств, комитетов и департаментов с телефонами и руководителями. Существенно реже на сайтах встречаются отдельные страницы с более подробной информацией о департаменте (структура, положение о департаменте, его функции), и совсем редко — отдельный содержательный раздел, как, например, у Чувашской республики (<http://www.car.ru>), где деятельность каждого органа управления освещается всесторонне и очень тщательно, причем информация оперативно обновляется.

Оперативная информация — новости, планы мероприятий, намеченных органами управления, календарь событий региона — достаточно распространенный для официальных порталов ресурс. Однако новости, как правило, не являются тематически связанными, т. е. сортируются либо по дате, либо по источнику информации. Самое основательное тематическое деление новостной информации предложено на сайте *Кировской области* (<http://www.gov-vyatka.ru>).

Среди наиболее распространенных на интернет-порталах баз данных можно выделить три вида информации: данные статистики, местное законодательство, а также список региональных предприятий и организаций. Из трех перечисленных видов БД чаще всего встречается статистика региона — 55 сайтов, примерно в равной степени субъектами Федерации предлагается пользователям нормативно-правовая база (30 сайтов) и БД предприятий (32 сайта).

Широко предоставлена на официальных сайтах органов власти субъектов Федерации подробная информация по инвестиционным предложениям, проектам, реализуемым в регионе. Поскольку при создании портала наряду с общими целями каждый орган управления преследует вполне конкретные территориальные задачи, то закономерно, что администрация субъекта Федерации считает наиболее важным донести до потенциальных партнеров промышленности региона его возможности, способствуя этим повышению инвестиционной привлекательности экономики региона. Среди региональных порталов акцент на инвестициях в свой регион делают, например, *Псковская* и *Нижегородская* области (<http://www.pskov.ru>; <http://www.government.nnov.ru>). В частности, сайт *Псковской области* содержит как информацию о проектах, связанных с конкретными предприятиями (характеристику предприятия, ТЭО и смету проекта), так и описание инвестиционной инфраструктуры региона (финансовой, транспортной), таможенного климата, правового обеспечения инвестиций, а также рейтинг инвестиционной привлекательности предприятий. Большое внимание программам, реализуемым в регионе,

уделяется на портале *Ростовской области* (<http://www.donland.ru>). Правительство *Чувашской республики* (<http://www.cap.ru>) подводит на сайте итоги деятельности большинства органов управления, программы развития при этом представлены также по конкретным департаментам и направлениям.

Проведенный анализ показал, что среди указанных сфер больше информации на порталах содержится по финансам (бюджет, налоговая политика, инвестиции). Экономическая сфера по объему представленной информации ненамного отстает от финансовой (к ней отнесены промышленность, сельское хозяйство, торговля, предпринимательство, ТЭК и пр.). Наименьший объем информации правительственных сайтов приходится на внешние связи регионов.

Функция взаимодействия органов управления и пользователей реализована на сайтах субъектов Федерации существенно слабее, чем «презентационная». Однако, тем не менее, на всех интернет-порталах субъектов Федерации представлены такие информационные сервисы, как загрузка с сайта шаблонов стандартных документов, проведение онлайн-конференций и форумов по актуальным проблемам региона, публикация комментариев и ответов на вопросы аудитории компетентными представителями властей, а также рекомендации физическим или юридическим лицам по решению их типичных проблем, которые, в свою очередь, могут быть собраны в типовые «сценарии». Более того, надо заметить, что возможность задать вопрос руководителям органов управления организована на многих правительственных порталах. На вопросы своих жителей отвечает руководство таких регионов, как Республика Чувашия, Кемеровская область (примечательно, что отвечают представители тех органов власти, в чьем ведении находится заданный вопрос), а также губернатор Мурманской области (<http://www.cap.ru>; <http://www.ako.ru>; <http://www.gov.murman.ru>). На правительственном портале Пермской области (<http://www.perm.ru>) проводятся онлайн-конференции, где можно обратиться с вопросом к губернатору. Портал Карелии (<http://www.karelia.ru>) предполагает анонсирование и размещение материалов телефонных «горячих линий» и телевизионных прямых эфиров с главой республики.

Таким образом, главный вывод, который можно сделать после анализа этих материалов, на официальных сайтах всех субъектов Российской Федерации реально обеспечена коммуникация жителей тех или иных территорий (да и не только непосредственно этих регионов) по многим вопросам управления территориальным развитием. В структуре территориальной власти с помощью средств информационно-коммуникационных технологий формируется особое пространство коммуникаций населения, бизнес структур и других организаций, действующих на территории, с органами территориальной власти.

Более того, в середине 2003 г. с учетом возрастающего спроса со стороны органов территориальной власти был создан и представлен новый

продукт — комплексное решение для создания портала органов государственной власти разных уровней. Прототип интернет-портала был создан совместными усилиями Партнерства для развития информационного общества в России (ПРИОР) и представительства Microsoft в России и СНГ на базе специально разработанной версии Российского портала развития (<http://www.russia-gateway.ru/>). По мнению разработчиков [38], предлагаемое технологическое решение может стать катализатором для решения проблемы информационной открытости территориальной власти, которой посвящено принятое в феврале этого года постановление правительства РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти». Из теоретической плоскости проблема перешла в практическую.

Разработанный на базе Российского портала развития прототип имеет сложную внутреннюю информационную архитектуру, где предусмотрены редакторский интерфейс с простой системой обновления новостей, специально созданная для поддержания дискуссий среди экспертного сообщества коммуникационная система и детально разработанные механизмы навигации. Другими словами, технологическое решение, разработанное на базе Российского портала развития, подталкивает к формированию новой культуры взаимодействия власти и общества.

Все это, казалось бы, позволяет с определенной долей уверенности говорить, что в России активно формируется информационное общество, важнейшим инструментом которого является Интернет. Разумеется, масштаб этого процесса пока еще мало сопоставим с западными реалиями. И если на Западе можно говорить о переходе его в тотальную фазу — охват практически всех сфер общественной жизни. В России речь может идти пока о создании его основ. И все же в недавнем докладе ООН, посвященном перспективам становления “e-government”, Россия по показателю готовности властей работать на принципах «электронного правительства» (а информационная открытость властей — одна из его основ) была отнесена к группе крепких «середняков». Наш балл «готовности» (e-gov capacity) — 1,89, в то время как средний показатель в мире — 1,62. (Лидером по этому показателю по оценке международных организаций является США, которые получили — 3,11.)

Между тем, анализ многочисленных материалов, описывающих процессы формирования коммуникативного пространства в структуре порталов органов государственной власти, позволяет одновременно с этим сделать и взаимоисключающий вывод. Так, с удивлением можно констатировать, что хотя виртуальные коммуникации существуют, виртуальных сообществ, предполагающих активное вовлечение бизнеса, ученых и экспертов, гражданского общества, простых граждан в управление территориальным развитием на основе согласования различных интересов, не возникает. Более того, как показывают материалы, посвященные опи-

санию зарубежных информационных ресурсов органов территориальной власти, это наблюдается и на этих сайтах. Новые формы взаимодействия власти и общества, идеология которых составляет основу концепции «электронного правительства», не получают того развития, которое казалось бы можно ожидать в условиях технологического и цивилизационного развития западного общества. «Э-сообщества» есть, а общности нет!

В среде многих отечественных исследователей проблем виртуального пространства и, особенно, разработчиков информационных средств, используемых при реализации проектов «э-правительства», распространено мнение, что преодолеть ситуацию возможно путем создания новых программных комплексов, которые бы своими технологическими решениями подталкивали работников властных структур к формированию новой культуры взаимодействия власти и общества [39]. По мнению авторов таких исследований, речь должна идти о технологических решениях, которые бы формировали диалогическое пространство «правительство-население» (G2C) в сети Интернет. И если для одних, это диалогическое пространство образуется путем непосредственного аппаратного создания сети сайтов и web-серверов по типу «кольца сайтов» (“web-ring”), которые объединяются единой тематикой, совместным форумом и совместным календарем [40, 41]. То другие, ищут технологические решения формирования диалога с аудиторией, ориентированного на партнерство, в контексте идей социально ориентированного управления или управления с обратной связью (Дридзе Т. М.). Одной из отличительных особенностей этих технологий является возможность дифференцировать аудиторию по социоментальным признакам. При этом социоментальные признаки рассматриваются как принципиально инструмент для анализа процессов общения в Интернете, где электронный собеседник может при желании приписать себе любые качества, не соответствующие действительности (то есть — своему полу, возрасту, месту жительства, образованию, роду занятий, направленности своих интересов, материальному положению и т. д.). Совершенно очевидно, что сама процедура диалога в этом случае рассматривается как способ получения информации об ответных реакциях пользователей портала на важнейшие правительственные решения, причем с дифференциацией этих реакций по социоментальным признакам, и тем самым «эффективно реализовать идею социального участия населения в решении социально значимых проблем» [42].

Несколько особняком располагаются работы, авторы которых полагают, что проблема виртуального диалога аппарата органов власти и пользователей Интернета происходит из-за того, что в нашей стране принято считать, что лишь государству принадлежит роль «лица, принимающего решения». Новые же технологии помогут нам преодолеть изолированность органов власти от общества. И максимально открытая власть, допускающая участие экспертного сообщества, индустрии и гражд-

дан в процессе принятия решений, с помощью новых ИКТ технологий превратиться «в одно из ключевых сообществ развития, которое занимает четко очерченную нишу в общественном устройстве и наравне с бизнесом гражданским обществом и научно-образовательным сообществом делит ответственность за реализацию согласованных решений» [39]. При этом роль государства ни в коей мере не принижается, она остается важнейшей в обществе, но более не рассматривается как самодостаточная. И сторонники этой точки зрения с надеждой взирают на программно-технические решения позволяющие добиваться того, чтобы у чиновников не оставалась выбора — открывать или не открывать информацию о своей деятельности, взаимодействовать или не взаимодействовать с народом, Остается сделать лишь выбор, какими средствами это делать [42].

Между тем, как мы уже отмечали, даже более значительная «продвинутость» в программных средствах западных проектов создания “e-government”, которые основываются на существующих понятных и технологичных решениях, таких как службы запросов и транзакционных обновлений прикладных информационных областей; служба оповещения о событиях; службы контроля и управления (безопасности, учета, аудита, качества и т. д.); кооперативный интерфейс в виде набора объектов XML — схем с экспортом данных и прикладных служб; стандартных технологиях программного обеспечения промежуточного уровня для обмена данными и обращения к службам, не позволяют сформировать виртуальную общность по тем или иным социально-значимым проблемам [42].

Мы полагаем, что решение этой проблемы следует искать не столько в технологических или программных разработках, сколько в самой методологии виртуальной коммуникации. Для этого нам предстоит обратиться прежде всего к анализу понятия коммуникация.

Как известно, понятие *коммуникация* (от лат. communicatio — связь) трактуется в литературе неоднозначно и включает ряд значений. Наиболее общее из них — средство (связь), сообщение. Одно из самых распространенных значений ассоциируется с выражением «средства массовой коммуникации» (от англ. mass communication — имеется ввиду система распространения информации с помощью технических средств радио, телевидения, печати и др.) и предполагает передачу некоего сообщения в одностороннем, монологическом порядке, хотя и рассчитано на адекватность восприятия. Короче говоря, имеется в виду информационная коммуникация, в которой акцент сделан на распространении.

Это онтологическое истолкование понятия *коммуникация* и лежит в основе многих исследований, посвященных проблемам коммуникационного взаимодействия и киберпространства. Отталкиваясь оттого, что коммуникация не может не содержать информацию, эти исследователи различают сообщение (или послание), интерпретацию (или восприятие) и собственно коммуникацию. Не рассматривая коммуникацию как

социальный, деятельностный процесс, авторы подобных работ определяют коммуникацию как «операцию передачи, трансляции». Или другими словами, для них коммуникация становится лишь технологическим процессом, обеспечивающим передачу сообщения (message), в ходе интерпретации которого приобретает новое знание. В соответствие с этой технологической парадигмой, передаваемый продукт интеллектуальной деятельности человека («вещь») посредством интерпретации преобразуется в «мысль» [26, с. 13].

Каждущаяся необходимость «расчленения» информации на составляющие приводит к закономерному утверждению, что в современном обществе информация становится операциональной. И, именно, этой операциональностью должна объясняться значительность роли информации в современном мире, мире постмодерна. Отсутствие содержательности («знания») и предметности («продукта») информации превращает ее в современную эпоху в стимул, мотив деятельности. *«Информация — это коммуникация, побуждающая к действию»*. Исходя из этой парадигмы объясняется и превращение Интернет⁴ в главный феномен компьютерной революции. В соответствие с этой точкой зрения в глобальной сети Интернет не может создаваться никакого знания, но зато многократно увеличиваются возможности осуществления коммуникаций. И в этих коммуникациях не знание и не его передача оказываются главным, но операция «установления отношения между сообщением и его интерпретатором». Причем отношение предполагает обязательное наличие у интерпретатора образа сообщаемого, а наличие адекватного знания при этом оказывается необязательным. Естественным продолжением логики сторонников технократического подхода оказывается представление информационного мира как мира «симуляционных технологий». И все своеобразие новых отношений человека и компьютера сводится развитию технологий виртуальной реальности, которые «обеспечивают» похожесть, видимость реальных вещей и отношений.

Важно, например, не только то, что теперь можно совершать покупки с помощью компьютера, подключенного к сети Интернет, но и то, что процесс покупки все чаще организуется как посещение виртуального магазина. Если с помощью изощренной компьютерной графики web-страница продавца симулирует расположение товаров на витрине, их осмотр и обмен на плату в виде банкнота или чека, то это следует трактовать не просто как перенос операции купли-продажи из реального пространства в виртуальное, а как *симуляцию* институциональной формы товарного обмена. Обмен осуществляется как *симуляция* реального социального *взаимодействия*. «Киберпротезирование» институциональных форм является характерной особенностью и иных видов виртуального взаимодействия — виртуальных сообществ, виртуальных корпораций,

виртуальных развлечений, виртуальных преступлений⁹⁾ и виртуального же отпущения грехов.

По мнению сторонников такого подхода к истолкованию виртуальной реальности, она существует лишь в качестве «киберпротеза», обеспечивающего привычную социальность человеческого взаимодействия. А операция трансляции есть определяющее, доминирующее звено в триаде сообщение — коммуникация — интерпретация. Симуляция же, возникающая в ходе трансляции и коммуникаций, замещает реальные атрибуты институциональности.

Из этого следует, что виртуализация, рассматриваемая в качестве технического процесса создания виртуального общества, существующего «параллельно» с обществом реальным, показывает отсутствие каких-либо изменений в реальном «сегменте» общества. Формируясь как результат не только технологических, но и социальных процессов, в дальнейшем виртуальная реальность развивается как параллельная, хотя и не адиабатная структура. Именно поэтому распространение технологий виртуальной реальности происходит как киберпротезирование. Оно вызывается стремлением компенсировать с помощью компьютерных симуляций отсутствие социальной реальности.

Социальная необходимость возникновения и дальнейшего независимого существования виртуальной реальности, как полагают поклонники этой теории, проистекает из глубинных трансформаций, происходящих в обществе. В традиционном обществе, или обществе Модерна именно овеществление межиндивидуальных, межсубъектных отношений трансформирует отношения индивида и общества. Реальность эпохи Модерн — это овеществленная институциональная структура, делающая практики независимыми от устремлений индивидов. Индивид, находясь в *социальной реальности* институтов, воспринимает ее как естественную данность, в которой приходится жить. Общество воспринимается человеком не как процесс взаимодействия/общения с окружающими его конкретными людьми, а как сложная система реально существующих «инстанций» (институтов) социального целого — государства, корпорации, школы и т. д. Технологическая революция, знаменующая возникновение эпохи Постмодерна, отражает объективное «расхождение» и независимое существование знания и бытия. Написав об «утрате» реальности в эпоху Постмодерна, Бодрийяр констатирует ситуацию завершения овеществления общества. Дефицит реальности у Бодрийяра — это вовсе не дефицит вещей и поступков. Утрата реальности в концепции Бодрийяра — это

⁹⁾ Правда, почему-то виртуальные преступления оборачиваются реальными потерями денег, социального статуса и т. д. Не нужно много усилий, чтобы вспомнить нашумевшие «виртуальные» ограбления, совершенные реальными людьми и с реальными последствиями посредством компьютеров, подключенных к сети Интернет, в том числе и российскими виртуальными «взломщиками».

утрата различения знака — образа и референта — реальности [43, 44]. Рассмотрение подобным образом виртуальной реальности предполагает взаимодействие человека не с вещами, а симуляциями. Вот почему в эпоху Постмодерна индивид погружается в *виртуальную реальность* симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду, создавая условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее.

Развитие «технологии» Интернета лишь актуализирует эту свободу от институционализации. И только в контексте этой парадигмы Интернет — это среда развития виртуальных сообществ, альтернативных реальному обществу. А виртуальная активность индивидов, осуществляющих коммуникации через Интернет, их силы и время, переориентируются с взаимодействия с реальными друзьями, родственниками, коллегами, соседями на коммуникации своего виртуального *эго* со столь же виртуальными партнерами. Общение через Интернет как раз и привлекательно своей обезличенностью, а еще более — возможностью конструировать и трансформировать виртуальную личность. Такая свобода от институциональности позволяет возникать, существовать, распадаться многочисленными сообществами, для которых «виртуальность» означает в первую очередь «эфемерность». Сообщества такого рода существуют до тех пор, пока их члены продолжают поддерживать привлекавшие их друг к другу образы — сконструированные идентичности, которые всегда остаются симуляциями социально реальной идентичности, то есть идентичности, институционально определенной полом, возрастом, семейным, профессиональным, образовательным статусом индивида.

Современное общество структурируется волей к виртуальности. Тот, кто успешно манипулирует образами или просто вовлечен в этот процесс, всегда приобретает относительно высокий статус социальный статус, воспринимает общество, прежде всего, как поле символических практик и в собственных практиках следует императиву виртуализации общества. Тот, чьи практики ориентированы на представление о реальности общества, игнорирует роль практик, ориентированных на создание образа, и с большей вероятностью оказывается в нижних слоях стратификационной пирамиды.

Различение старого и нового типа социальной организации по их отношению к институализации как овеществлению социальной действительности казалось бы имеет под собой реальные основания (см. рис. 1). И это позволяет сторонникам этой концепции обосновать понятие виртуализации как процесс замещения институциональных практик симуляциями. При этом почему-то забывается, что хотя, в действительности, человек взаимодействует с вещью как отражением субъекта, он сам, своей реальной деятельностью в пространстве своего существования сначала «встраивает», а затем «раскрывает» эту вещь как свое деятельное предназначение. Которое только, в свою очередь, предстает перед ним отражением, как себя,

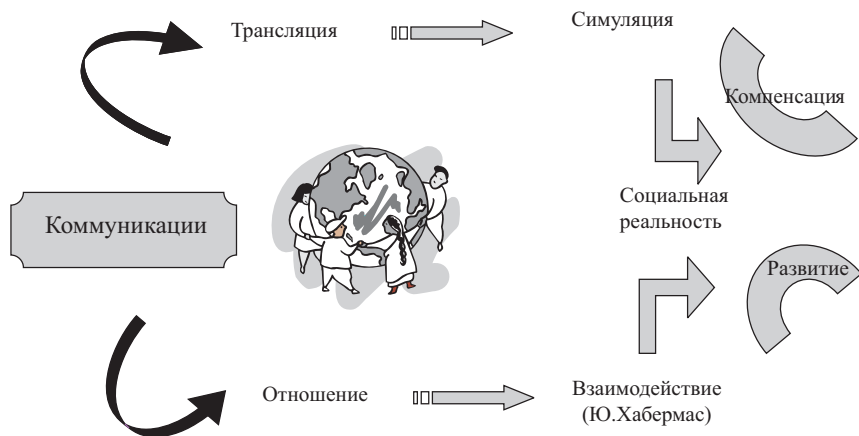

Рис. 1

так и другого субъекта. И только тогда эта вещь — отражение (виртуальный образ) по сути дела пространства этого сложного многоступенчатого взаимодействия, закрепляется для него в формах и процедурах реального взаимодействия. Формы представления реальных действий индивида, хотя и не являются вещественными предметами, в то же время не могут быть определены и как их симуляции. Просто они предстают перед индивидом в качестве новых форм социального взаимодействия. Ведь за каждым из них не «компенсация», или замена «старой» реальности какой-то новой, а та же самая, прежняя реальность представленная в формах конкретного бытия и жизнедеятельности реального человека. Поэтому и виртуальная реальность — это не какая-то матрица, в которой в соответствии с особым «программным комплексом» разыгрывается драма жизни, не существующая нигде кроме, как в этой матрице, или программе. Безусловно, можно рассматривать и с описанных выше позиций виртуальную реальность и киберпространство, но тогда надо четко понимать, что никогда, никто и никаким способом, кроме Творца этой «матрицы», не сможет описать и задать ее существование. Именно это и следует из известной теоремы Геделя, которая доказывает, что ни одна из систем не может быть описана только из оснований, полагаемых этой системой. В то время как, в действительности, в реальной, а не сконструированной по законам высокой абстракции, жизни реальный индивид каждый день и час своего конкретного бытия своим действием преодолевает и разрешает это системное противоречие.

В теории это простое бытийное определение конкретной коммуникативной деятельности закрепляется расширением понятия коммуникации. Помимо значения *механизма* функционирования системы распространения информации и обозначения односторонней связи субъекта с тем или

иным объектом (который может выступать и как субъект) оно вобрало в себя ряд новых смыслов, и прежде всего — связанных с таким аспектом человеческой деятельности, как взаимодейтельное общение. В отличие от понимания коммуникации как чисто формальной процедуры связи между абстрактным «отправителем» информации и столь же абстрактным ее «получателем» [45], это понятие стало употребляться для обозначения состояния коммуникации *как процесса*, под которым понимается **соучастие** субъектов, их **совместная деятельность** и даже определенная их организация. Такая коммуникация конечно же имеет диалогическую форму и рассчитана на взаимное понимание, но только этим не ограничивается. И здесь очень важно обратиться к трудам Ю. Хабермаса, его концепции коммуникативного действия [46–48]. В этой концепции коммуникация выступает как *процессуально созидательная, деятельностьная форма общения*, направленная на выработку новых целей, а также на поиск наиболее эффективных средств их достижения. Коммуникация рассматривается как интересубъективное социальное отношение и действие. В процессе такой коммуникации не просто анализируется и фиксируется в понятиях социальная реальность как таковая (как она выступает для нас); она включает особую деятельность, когда требуется отойти от того, что есть, и осуществить «прорыв» к новым представлениям. В этом Ю. Хабермасу видится главный смысл такого рода коммуникации, которую условно можно назвать коммуникацией *целе-формирования* и *целе-сообразного коллективного творчества*. Именно с такой формой коммуникации, основанной на принципе созидательного взаимодействия, философ и связывает понятие коммуникативной рациональности. При этом в процессе социального отношения и действия коммуникации осуществляет не просто субъект в его классическом понимании стороннего наблюдателя, а коммуникативно-действующий субъект, который постоянно осознает себя в сфере жизненного мира, состоящего из повседневных действий, и который сам совершает разного рода социальные действия, ориентированные на *другого*.

Основной коммуникативной формой деятельности, согласно Ю. Хабермасу, должен стать «опыт непосредственной коммуникации», построенной на *диалогическом принципе*. При этом диалог понимается как свободное взаимодействие индивидов, в котором индивидуальность не подавляется, а, напротив, проявляется во всем богатстве. Эти формы предполагают определенное коммуникативное поведение.

В концепции Ю. Хабермаса коммуникация трактуется им не только как межличностный контакт, но и как непосредственные активные межличностные связи во всех сферах человеческого бытия, в том числе таких, где именно субъект выступает средством «персонификации» общественных отношений. В таком контексте коммуникация выступает не просто как межсубъектное отношение, но как межсубъектное *взаимодействие*, а человек — как *субъект действия*. Ю. Хабермас интересуется не субъект

вообще (человек как таковой), а *субъект направленной социальной активности*. Эти субъекты, или организации должны функционировать на основе принципа взаимодействия как некая социальная целостность, занимающая определенную нравственную позицию, обладающая свободой выбора, волей к действию и главное — способная действовать в направлении выработки не столько определенной информации, хотя уровень информационного взаимодействия играет при этом значительную роль, сколько разработки нового содержания в той области, которая является предметом обсуждения.

Итак, использование коммуникативного подхода Ю. Хабермаса при анализе проблемы виртуальных сообществ позволяет, по нашему мнению, раскрыть их как многократно опосредованный и иерархизированный механизм деятельного общения между людьми, разворачивающийся в социальном поле и пространстве коммуникаций. Причем важным методологическим выводом из этой концепции следует истолкование коммуникации не в виде межсубъектного отношения, которое, как было показано выше, открывает возможность для рассмотрения виртуальных сообществ в качестве «киберпротезов» реальных общностей. Коммуникация, а следовательно и виртуальная коммуникация, которая собственно и составляет суть виртуальных общностей, это межсубъектное взаимодействие, образуемое персонифицированным целями и задачами. Но это означает, что виртуальная коммуникация и, соответственно, виртуальная общность возникают лишь при наличии пространства коммуникации, образуемого совокупностью коммуникаций и коммуникативных действий субъектов, определяющих себя в качестве элемента этого пространства. Реализуясь в сетевом пространстве, эти сообщества, не являясь институциональными структурами, в то же время, перед конкретным индивидом предстают как социальные структуры, поскольку оказываются для него, в той или иной степени, формами его реального существования и жизнедеятельности. Значимыми для такого анализа представляется становление субъектов, инициирующих создание сообществ ради решения различных коммуникационных задач, а также трансформация этих целей в процессе развития сообществ. В этой связи особое внимание обращает на себя процесс формирования «предмета» коммуникации и его трансформации в процессе появления в коммуникативной среде рефлексивных слоев, в том числе связанных с участием в процессах принятия решений на том или ином уровне социального развития.

Отказ в соответствие с парадигмой коммуникативного действия Ю. Хабермаса от рассмотрения межсубъектного взаимодействия как «плоскостного» межсубъектного взаимоотношения означает, что в проблеме виртуальных общностей существенным оказывается пространство этого взаимодействия, а следовательно роль посредника или медиатора, участие которого в этом взаимодействии и обеспечивает реальность и существо-

вание этого коммуникативного пространства. В зависимости от того, кто выполняет функцию этого посредника — лидер, администратор сети, или социальный субъект = социальный актер, и формируется то или иное пространство, та или иная общность. Следует сразу отметить, что модель виртуального сообщества, содержащая в качестве центрального элемента посредника, нисколько не противоречит идеям демократии, информационного общества. Поскольку речь идет о посреднике, который задает, формирует и удерживает коммуникативное пространство. В этой конструкции нет ничего общего с методами и моделями манипуляции образами и идеями, о чем мы писали ранее. Эта конструкция не только шире, так как вариант «виртуальной» манипуляции социальными слоями и группами может рассматриваться как частный, в некотором роде редуцированный случай моделей виртуальных сообществ. Этот подход позволяет придать понятию виртуальное сообщество как операциональное, так и методологическое содержание. Именно последний, методологический аспект этого понятия позволяет наметить новые технологические и программные решения, которые открывают пространство для возникновения виртуальных сообществ, которые могут рассматриваться как социальные общности.

Литература

1. Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества в России. М., 1995. Кн. 1–2.
2. Черныш М. Ф. Социальная мобильность в 1986–1993 гг. // Социологический журнал. 1995. № 2.
3. Андреев А. Россия-2000: трансформация в режиме неустойчивости // Москва. 2001. № 1.
4. Шкаратан О. И. Тип общества, тип социальных отношений // Мир России. 2000. № 2. С. 63–108.
5. Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия. М., 2000.
6. Horvat B. The Political Economy of Socialism. A Marxist Social Theory. N. Y., 1982.
7. Шкаратан О. И. От этатризма к гражданскому обществу // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 3.
8. Заславская Т. И. О социальных функциях миграции сельского населения в городе // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970. С. 103.
9. Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970. С. 51, 153.
10. Ионин Л., Шкаратан О. Паркинсон и бюрократы: Послесловие // Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона. М.; СПб., 1989 / Пер. с англ.
11. Радаев В. В. Власть и собственность // СОЦИС. 1991. № 1.
12. Radaev V., Shkaratan O. Power and Property — Evidence from the Soviet Experience // International Sociology. 1992. № 3.

13. *Shkaratan O.* The Old and the New Masters of Russia. From Power Relations to Proprietary Relations // Sociological Research. 1992. № 5.
14. *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989.
15. *Нарышкина А.* Зато у нас люди хорошие // Известия. 22 августа 2003.
16. *Малинецкий Г.* Хаос. Тупики, парадоксы, надежды // Компьютерра. 1998. № 47.
17. *Лоскутов А.* Нелинейная динамика, теория динамического хаоса и синергетика (перспективы и приложения) // Компьютерра. 1998. № 47.
18. *Абрахам Ф., Митина О., Хьюстон Д.* Теория хаоса и интернет в эпоху постмодерна // Компьютерра. 2000. № 28.
19. *Дудник О. В.* Жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2002.
20. *Горяинов В. П.* Стратификация населения России по его отношению к жизненным ценностям в 1994 году // Социально-экономические проблемы развития общества в переходный период. СПб.: тр. ИСА РАН, 1995. № 1.
21. *Коржева Э. М.* Ностальгическое сознание как «консолидация» // Российское общество: социологические перспективы. М.: УРСС, 2000.
22. *Сазонов Б. В.* Деятельностные механизмы консолидации // Социальные трансформации в России: процессы и субъекты. М.: УРСС, 2002.
23. *Тищенко В. И.* Территория и «социальные актеры». Методологические вопросы и теоретические основы // Социальные трансформации в России: процессы и субъекты. М.: УРСС, 2002.
24. *Коваль Б. И., Ильин М. В.* Власть versus политика // Полис. Политические исследования. М., 1991. № 5.
25. *Шадрин А. Е.* Информационные технологии: вклад в социальный капитал // Информационное общество. 2002. Вып. 1. С. 8–12.
26. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002.
27. *Паринов С. И.* Онлайн-общества: методы исследования и практическое конструирование. Автореф. дис. ... док. тех. наук // <http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/autoref.htm>.
28. *Копылов Г.* Сеть как организационный принцип // Копылов Г. Рец. на кн.: Savage Charles M. 5th generation management: integrating enterprises through human networking (1990) // <http://www.isn.ru/econ/netorg.doc>.
29. *Рюэгг-Штюм И, Ахтенхаген* Сетевые организационно-управленческие формы — мода или необходимость? // http://www.ptpu.ru/issues/6_00/12_6_00.htm.
30. *Патюрель Р.* Создание сетевых организационных структур // http://www.ptpu.ru /issues/6_00/12_6_00.htm.
31. *Вютрих А., Филипп Х.* Виртуализация как возможный путь развития управления // http://www.ptpu.ru/issues/5_99/19_5_99.htm.
32. *Арефьев П. Г.* Навигатор по телекоммуникационным ресурсам в социологии // <http://www.NIR.ru/socio/old/scipubl/sj/sj3-4-99aref.html>.
33. *Gurstein M.* Информатика местных сообществ // CommunityInformatics@vcn.bc.ca.
34. *West Darrell M.* E-Government in the United States of America // 2004. Center for Public Policy, Brown University, Providence, Rhode Island.

35. Правит ли электронное правительство в регионах // www.cnews.ru;
<http://www.region2002.ru>.
36. *Акопянц А.* Что такое портал? // <http://www.akop.ru>.
37. Время порталов // http://www.microsoft.com/rus/government/portal/tool/basics/time_of_portals.asp.
38. *Ершова Т., Ершов Ю.* Порталы в коробке для органов власти // Независимая газета. № 112 (2945) от 06 июня 2003.
39. *Борисов Н. В., Чугунов А. В.* Создание информационной среды для местного самоуправления и сети муниципальных Интернет-клубов на Северо-Западе России // Информационное общество. 2000. Вып. 1. С. 45–47.
40. *Древаль И. В., Цой Л. Г., Чугунов А. В.* Интернет-диалог с местной властью: Web-сервер «Местное самоуправление в Санкт-Петербурге» // Тезисы докладов международной конференции «Интернет. Общество. Личность» (ИОЛ-99). СПб., 1–5 февраля 1999 г. // Институт «Открытое общество». СПб., 1999. С. 318–319; *Иванов В. Е.* Правительство—население: диалог в виртуальном пространстве // Информационное общество. 2000. Вып. 6. С. 42–43.
41. *Кузнецов С.* Как обустроить электронное правительство // Открытые системы. 2001. № 3.
42. <http://www.osp.ru/2001/3/>.
43. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
44. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2003.
45. *Каган М. С.* Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.
46. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
47. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
48. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.